

Leszek Mikrut

Очерки из охотничьей жизни на Украине
Григория Данилевского

Имя сегодня забытого, но талантливого и в прошлом очень популярного русского писателя II-ой половины XIX века — Григория Данилевского (1829-1890), становится для современного читателя все более известным. Его внимание сосредоточивается на бытовых романах (*Беглые в Новороссии*, *Воля*, *Новые места*), а также на произведениях прозаика, посвященных исторической тематике (*Мирович*, *Сожженная Москва*, *Княжна Тараканова*). Однако литературное наследие Данилевского составляют не только беллетристические произведения, но также и лирические стихотворения, поэмы, стихотворные сказки и очерки.

Жанр очерка занимает видное место в раннем творчестве автора *Мировича*, к нему он возвращался также в зрелые годы своей литературной деятельности. В этих произведениях нашли отражение объективные факты, помещенные очеркистом в определенный во времени пространственном отношении фрагмент действительности, при чем автор был непосредственным наблюдателем явлений, участником событий, а в некоторых случаях восстанавливал их на основании рассказов других непосредственных свидетелей, а иногда использовал источники и документы¹. Подлинность в этом случае характерна описаниям пространства, действия, характеристикам персонажей, а также проявляется она в передаче анекдотов, сообщений и свидетельствует о том, что автор опирался на факты, взятые из жизни. Важными чертами этого жанра, нашедшими отражение у Данилевского, являются также: достоверность и актуальность очеркового содержания².

В центре внимания автора *Сожженной Москвы* оказались действительно живущие люди, их поведение, убеждения и мечты, деятельность и ее

¹ K. Koźniewski, *Reportaż*, „Prasa Współczesna”, Łódź 1957, z. 2, s. 110; J. T. Browne, *A Book of Nonfiction*, New York 1960, s. 2.

² Cz. Niedzielski, *Reportaż*, [w:] *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, Warszawa 1985, t. II, s. 280-282.

результаты. Поэтому в своей исходной точке эти произведения являются очерками о людях и волнующих их вопросах, а не только об одних проблемах. Такую исходную точку называют очерковой (конкретная группа людей, поставленная в реальную и конкретную обстановку) и литературной одновременно (поэтика очерка-портрета)³.

Проблема типологии обсуждаемого нами цикла очерков *Четыре времени года украинской охоты*⁴ сложна и позволяет рассматривать ее с разных сторон. Эти произведения близки художественной литературе, так как они соединяют подлинный материал с некоторой дозой литературного вымысла, психологическими характеристиками героев и широким комментарием повествователя. Согласно типологии советской исследовательницы Е. Журбины, цикл Данилевского представляет собой „очерки о человеке и связанном с ним деле”⁵, классификация польского литературоведа Я. Мазярского относит его к „расширенным сообщениям”⁶, в которых преобладают фрагменты сюжетного характера (изображающие и формирующие), а рядом с ними появляются, однако, и статические информации, а также немногочисленные комментарии. Согласно теориям других польских исследователей *Четыре времени года* представляют собой или конгломерат очерка информационного (сообщающего о чем-то) и отчетного (описывающего какое-то событие)⁷, или, если брать во внимание повествовательный характер содержания, — относятся к группе общественно-бытовых очерков⁸, касающихся общества, описывающих закрепленный традицией способ поведения людей в данных обстоятельствах, свойственный определенной группе, характерный для данной территории, периода.

Свои очерки Данилевский обогащал чертами, свойственными другим прозаическим жанрам. Многие фрагменты *Четырех времен года* относятся к изучаемому внутренним процессам общественной жизни „физиологическому очерку”, который возник в 30-е годы XIX века во Франции и, будучи одним из жанров повествовательной прозы, оказал большое влияние на

³ Z. Żabiński, *Z doświadczeń reportażu*, [w:] *Proza... proza...*, Warszawa 1966, s. 159.

⁴ Г. П. Данилевский, *Четыре времени года украинской охоты*, (в:) *Полное собрание сочинений в 24-х томах*, С.-Петербург 1901, т. 6, с. 147-191. В дальнейшем мы будем употреблять сокращенный вариант заглавия: *Четыре времени года*, а страницы к цитатам будут помещаться непосредственно в тексте.

⁵ Е. Журбина, *Искусство очерка*, Москва 1957, с. 219.

⁶ J. Maziński, *Anatomia reportażu*, Kraków 1966, s. 111.

⁷ K. Kąkolewski, *Reportaż*, [w:] *Teoria i praktyka dziennikarstwa*, Warszawa 1964, s. 123-124.

⁸ Niedzielski, op. cit.

раннюю форму русского реализма, выступившего под лозунгами „натуральной школы”⁹. Сжатость и популярная, доступная форма рассматриваемого цикла, а также авторский субъективизм и сказовый стиль — это черты, соединяющие очерки Данилевского с фельетоном¹⁰, которому присуще критическое, нередко сатирическое начало, и непременно — актуальность.

„(...) говоря об авторе, повествователе и очеркисте мы все время имеем в виду одного и того же человека, выступающего, если можно так сказать, в разных „ролях”¹¹. Поэтому отождествление Данилевского с повествователем и очеркистом вполне оправдано, а цикл его очерков можно рассматривать в качестве добавочного источника информации (не помещенных в биографии писателя) об их создателе. Однако эти произведения не являются мемуарной записью, хотя и восстанавливают подлинные происшествя, в которых принимал участие автор. В них нет развернутой записи его взглядов, личных признаний, внутренних переживаний, а принципом, организующим высказывание, не является концентрация внимания на анализе жизни писателя.

В конце 50-х годов Данилевский постоянно жил в своем имении на Украине, время от времени только навещая литературных друзей в обеих столицах. Много писал, занимался литературной деятельностью, свободные минуты отдавая пленяющей его своей романтикой охоте. Чаще всего принимал в ней участие вместе с другом — дьяком-псалмопевцем Иваном Михайловским, — необычайно опытным и страстным охотником. Исключительно часто оба они встречались с ружьями в руках в 1859 году; эти незабываемые минуты в следующем году Данилевский запечатлел в очерках *Четыре времени года*.

В цикл вошли 4 произведения, озаглавленные: *Зима, Весна, Лето, Осень*. Главная цель очерков — сообщить читателю о разных типах охоты на Украине, ее ходе, характерных повадках животных и хитростях охотников. Писатель осуществил это посредством повествователя-очеркиста — дьяка Михайловского. Повествователем является выявленный и подлинный авторский субъект, ведущий повествование от первого лица и выступающий под чужой фамилией Александра Скавронского. Эта мистифика-

⁹ A. Semeżuk, *Literatura lat 1843-1855. Charakterystyka okresu*, [w:] *Historia literatury rosyjskiej pod red. M. Jakóbca*, Warszawa 1976, t. I, s. 662-664.

¹⁰ J. J. Lipski, *Felieton*, [w:] *Literatura polska...*, op. cit., t. I, s. 255-256.

¹¹ Maziński, op. cit., s. 43-66 (tłumaczenie moje — L.M.).

ция имеет глубокое обоснование¹²; зная содержание очерков и биографию писателя, можно легко отождествить Скавронского с Данилевским. Персонажи автора *Княжны Таракановой* знали, что их собеседник только с недавнего времени жил „в степи“, увлекался и занимался литературой, помнили его дедушку, который прослыл в этой области страстным любителем охоты¹³. Сам Данилевский-Скавронский, работая над *Четырьмя временами года*, был под свежим впечатлением от поездки в Западную Европу¹⁴ и сравнивал местные временные озера с альпийскими Маджоре и Комо, а в движениях воздуха в степи видел южные жаркие и сухие ветры: „сирокко“ и „самум“. Таким образом, в произведениях, являющихся предметом нашего анализа, происходит намеренное отождествление того, о ком идет речь (очеркист) с автором. Очеркист, что является законом этого жанра, присутствует в изображенном мире в качестве наблюдателя, посредника и действующего лица. Несмотря на то, что имеем дело с показом событий с точки зрения участия в них автора, его переживаний, цель цикла заключается не в рассказе об этих происшествиях, а в специфике „охотничьего ремесла“ на фоне украинской флоры и фауны.

Данилевский-очеркист, отождествляясь с представителем местной украинской этнической группы, предстал перед читателем как охотник-любитель, с детства восхищающийся не столько трофеями, сколько самим процессом охоты. Не страшна ему была ни плохая погода, ни комары и вязкие болота, так как свою страсть отождествлял он с призванием: „Охотники не делаются, а рождаются, как и государственные великие люди... До охотничьей души надо дослужиться у Бога“ (172). Несмотря на недолгие годы, проведенные в провинции, он хорошо разбирался в разных видах охоты, повадках животных, хотя молодой возраст, как автор сам признавался, влиял на отсутствие опыта, неуверенность руки и пресыщение слишком долгим ожиданием в засадах, а наверно и на физическое утомление. Несмотря на то, каждое новое лесное приключение, как артист слова, он переживал глубже других:

„А над хаткой точно плыли крылатые эскадроны. Шум, свист и какое-то мерное, точно живое гудение несло, трубя в небесах. Казалось, необъятные стаи летели, опускались на самую кровлю хаты; будто сотни

¹² L. Mikrut, *Literackie mistyfikacje*, [w:] *Lubelskie Materiały Neofilologiczne 1983*, Lublin 1986, s. 159-170.

¹³ Образы своих предков Данилевский запечатлел в цикле рассказов *Семейная старина*.

¹⁴ Этому вопросу посвящен цикл очерков Данилевского: *Письма из-за границы*.

крыл махали у дверей, над трубой, и веяли ветром в самые окна. Либо комары и мошки, либо пестрые птицы бились мерно в стекла. Сон походил на действительность; грезы являли мыслям чудные картины степного перелета. Сердце билось; в висках стучало; в ушах звон; на небесах звон!...” (*Весна*, 174).

Очеркист искренне писал, что не любил он танцевать, не принимал участия в карточных играх, не употреблял спиртных напитков, но не забывал также подчеркнуть свои литературные интересы. С большим вниманием слушал он народные рассказы, свидетельства подлинных случаев. То что сам наблюдал, сравнивал с картинами, написанными кистью других художников; в охотничьих приключениях автор искал сходства с судьбами героев Джеймса Фенимора Купера (1789-1851), вид чаек напоминал ему, что народная песня соединила судьбы Малороссии с этой вечно печальной птицей¹⁵.

Данилевский-повествователь часто передавал свою функцию второму повествователю-герою дьяку Михайловскому, помнившему еще большие охоты с участием дедушки автора. Несмотря на то, что был он мужчиной среднего возраста, обремененный семьей и церковными обязанностями, всегда находил время на обожаемую им охоту. Среди друзей дьяк пользовался уважением и доверием, был для них неоспоримым авторитетом в разных делах, касающихся леса и животных. Друзья были и непосредственными слушателями его рассказов. Таким образом автор поручил Михайловскому двойную роль, причем читатель чаще видел его в амплу героя. Вот именно этому человеку, а прежде всего делам, связанным с ним, и охоте посвящены были очерки. По этому поводу Данилевский не обратил особого внимания на внешний вид главного героя, наметил только самые существенные черты в его облике. Михайловский не заботился о своей одежде, часто ходил в лес в подряснике, на который надевал преимущественно куртку или другую верхнюю одежду, принадлежащую жене. Зимой он одевал теплый бараний тулуп и лисью шапку. Дьяк носил длинные волосы, закладывал их за уши или заплетал сзади в тонкую косичку, напоминающую, как утверждал автор, „хвост прыгающего по лугу, покусанного насекомыми теленка“. Его не совсем густая борода в большой степени была уже покрыта сединой, а нос напоминал птичий клюв. На охоту он всегда брал с собой длинное, собственноручно сделанное ружье и сумку, в которую клал мелкую дичь.

¹⁵ По словам Данилевского (с. 177) автором этой песни является Мазепа (Ян Колодзьински) Ивай Степанович (1644-1709) — гетман Украины, которого лицо и приключения были темой многих литературных произведений, главным образом в эпоху романтизма.

Как большинство охотников старого закала, Михайловский верил в предрассудки. Очеркист очень хорошо знал своего друга и поэтому не удивлялся иногда странному его поведению:

„Он встал, (...) снял шапку, перекрестился, потом снял сапоги, левый переменял на правую ногу, а правый на левую (это был его обычай в более важные минуты охоты, для верности удара) и опять прилег и стал целиться...” (Лето, 183).

Автор не был также удивлен, когда получал письмо от Михайловского с приглашением на очередную совместную охоту. Знал, что ожидают его новые приключения, а прежде всего свежие рассказы как правдивые, так и основанные на народных верованиях.

Самыми интересными рассказами у опытного охотника были те, которые приводили в движение мифологическое время и одновременно заключали поучительную сентенцию. К ним принадлежало предание о Лесном Голосе, который, будучи молодым неопытным ангелом, очарованный красотой Земли, покинул небесные просторы, за что отец лишил его права на возвращение и, не снабжая сына телесным покровом, обрек его на вечное подражание каждому лесному звуку (*Зима*). В рассказе о Вирие — месте, куда летят на зиму птицы в поисках теплого уголка, утверждается, что не пускают туда „грешных” представителей крылатой братии — хищных орлов и ястребов, попутно дается народное толкование о причинах осенних перелетов птиц (*Весна*). Часть устных сообщений Михайловского, тематически связанных с лесом, охотниками, дичью соединяет в себе реальные факты с фантастическим элементом, как например, рассказ о столетнем совсем седом волке, который был убит „не имеющим грешной руки” охотником-дьяком из соседней деревни, и только тогда оказалось, что на много лет раньше в это животное был превращен молодой казак, занимавшийся разбоем (*Весна*). Сам рассказчик свято верил в подлинность своих сообщений, уверял, что собственными глазами видел разные странные существа, например, „зеленчук”, похожий на маленькое бархатное растение, дурачил охотников, благодаря искусству подражать голосам разных животных; несколько раз наталкивался на перепелку, в которой жила душа девушки, обиженной дворянином, она пугала теперь всех встречных людей (*Осень*); был убежден, что бабочки являются душами усопших младенцев, у родителей которых были честные, благородные характеры (*Зима*).

Тридцать два года, проведенных Михайловским на охотах, научили его понимать „речь” леса, повадки животных. Характерной чертой его рассказов является тот факт, что дьяк никогда не затрагивал других вопросов кроме тех, которые касались лесных дел. Непосредственными

адресатами его рассказов были все, находящиеся в данный момент в его обществе охотники, или, чаще всего, сам Данилевский-собеседник. Он же как очеркист, автор обсуждаемого нами цикла, часто обращался к читателям, желая приблизить им данные факты, разбудить интерес, придать своим словам более непосредственный характер. Сначала они были адресованы, как могло показаться, к читателю вообще, который просто интересовался делами охоты. Однако, в ходе повествования, быстро было осуществлено одно из основных требований жанра — обращение к определенному адресату¹⁶. В *Четырех временах года* был им записной охотник с севера России, тонкий знаток своего „ремесла”, к которому были обращены слова: „(...) к вам на север, в Тамбов и Владимир, под Москву и в Сокольники, в Парголово и в Мурино, всюду, где вы живете и ждете их от нас, гг. записные северные охотники” (Лето, 176).

Михайловский передавал много практических советов, касающихся организации разных видов охоты, обычаев животных. Утверждал, что самое важное — это соблюдение тишины, так как животное хитрое, ловкое и чувствует в воздухе подготавливаемую засаду. Надо тщательно прятаться, потому что у большинства представителей фауны очень остро развито обоняние и зрение. Дьяк учил, что весной как закон, так и человеческая совесть запрещают охотиться — животные воспитывают свое потомство. Настоящий охотник, по его словам, никогда не намечал себе точный маршрут, какой он должен был пройти в данный день в поисках дичи, но шел туда, куда вели его глаза. А стрелял не по всем попутно встреченным животным и птицам, а только по представителям определенного вида, который составлял цель его похода. Михайловский не увлекался погонями за дичью с применением собак, а больше всего любил охотиться с ружьем в руке; хорошо разбирался в весенне-осенних птичьих перелетах, объяснял какие виды летят в больших, а какие в маленьких кучках, почему одни делают это днем, другие ночью, чем руководствуются, выбирая маршрут и высоту полета. Он соглашался со мнением своих друзей, что охотничий промысел — это призвание.

Благодаря Данилевскому читатели узнали о разных видах охоты на Украине в разные времена года. С помощью воображения принимали участие в зимней или в весенней засаде на волков, наблюдая за героями, находящимися в землянке: „На полу уже лежала припасенная солома. Окошко было завешано тяпичей. Все щели и дырки в стенах были также тщательно заткнуты соломой” (*Зима*, 149-150). В другое время года в таком помещении охотники находили уже „(...) готовый самовар и свечу в бу-

¹⁶ J. Lovell, *Notatki o reportażu. Część II*, „Życie Literackie” 1961, nr 38, s. 6.

тылочной шейке, и всю комнату, накуренную от мошки сосновыми ветками, и превосходную ключевую воду" (*Весна*, 169). Очень популярной была „воскресная” зимняя охота на лисиц, волков и зайцев с применением сетей, силков и облав, задача которых заключалась в том, чтобы заранее выследить дичь и погнать ее к охотникам, ожидающим уже с ружьями в руках. Для новичков организовали охоту на конях и вместо оружия каждому давали пару борзых собак на длинном поводке. Местное население, используя клетки с дверцами, которые запирались с помощью растянутой веревки, находящейся в руках у спрятанного в кустах мужчины, охотилось таким способом на куропаток, приманивая их заранее разбросанным кормом. Мальчики же „охотились” на воробьев: зажигали вечером фонарь и собирали птиц в шапки — воробьи думали, что настало утро и целыми тучами летали в направлении световой точки.

Зимой охотились также на зайцев, находящихся в большом количестве во фруктовых садах и на токах после сжатого хлеба. Автор, однако, искренне признавался в том, что „(...) ничто так из зимней охоты в степи не манило меня с детства, как охота на волков с „поросенком”, охота живая, увлекательная и вместе небезопасная” (*Зима*, 161). Стрелки, принимающие участие в такой охоте, ехали на быстрой тройке, прихватив с собой маленького поросенка и привязав к саням мешок с соломой, пропитанной свиным жиром. По дороге в степи охотники время от времени жали поросенка, а его визг манил волков, те бросались на протянутый мешок и одновременно вбегали на линии обстрела. Самая большая опасность угрожала охотникам тогда, когда пуля убивала волчицу, а взбешенные матерные волки бросались на людей. Спасти их могло только быстрое бегство.

Весенние охоты на Украине, по словам автора, в основном ограничивались отстрелом перелетной птицы, большинство которой составляли дикие утки и вальдшнепы. Лето также не было временем года исключительно приятным для охотников. Из-за высокой температуры и связанной с ней засухи животные сосредоточивались поблизости больших рек, что иногда заставляло охотников совершать большие переходы. Чаще всего стреляли по куропаткам и фазанам, а все реже охотились на журавлей, которых на Украине было с каждым годом все меньше. С любопытством же ходили по следам исключительно осторожных дроф, похожих, как утверждал автор, на австралийских страусов. С нетерпением, однако, ожидали осенних перелетов птиц. Часто охотились на перепелок, приманивая их голосом свирели и на небольшом расстоянии накидывали на них сети. Больше всего увлекались несколькодневной осенней охотой на лисиц, волков и зайцев,

во время которой организовали облавы и пользовались помощью борзых собак.

Писатель показал читателям большинство видов охоты, которые организовались в его родном краю круглый год. Об одних рассказывал он на основании личных наблюдений, иногда также, информируя о чем-то, свою роль передавал повествователю-герою (субнарратору), употребляя тогда лишь только грамматическое прошлое время. Сам же очеркист рассказывал о прежних охотах и, приводя в действие то же самое прошлое время, применял чаще всего способ повествовательного наглядного показа и актуализации минувших происшествий, какой создает „презент хисторикум” — употребление грамматического настоящего времени для обозначения прошлого времени: „Вы стоите с ружьем в руках; за вашей спиной, саженьх в десяти, тенета; впереди вас чистая площадка (...). Вы смотрите. Белый снег режет глаза. Курить хочется. Нельзя пошевелиться. Оба курка тяжелого мортимера взведены. (...) Все тихо. Сухие стебельки прошлогодней травы торчат сквозь оледенелый белый снег” (*Зима*, 157).

Оба страстных любителя охоты соглашались друг с другом, что прежних охот не стоит сравнивать с нынешними. Тогда в лесах встречали больше животных, охоты организовали гораздо чаще и считали их большими праздниками. Современные собаки были слабее и медленнее, а люди болезненнее, ленивее и менее выносливые.

Показывая разные виды охоты в отдельные времена года, наблюдательный повествователь обратил также внимание на лесные и степные пейзажи. Они выполняют второстепенную функцию по отношению к картинам погони за дичью. Однако нельзя было обойти молчанием этот фон, пленяющий своей красотой как во время весенней распутицы, ненастного осеннего дня, так и в морозный зимний вечер, в свежее летнее утро: „Чуть брезжило и жаворонки еще не пели. На востоке появление солнца предвещали багровые полосы, захватывавшие окраину неба более и более. Но еще густая свинцовая тьма устилала небо с той стороны. Пахло свежестью и травами. Влево, за косогором, (...) кричали петухи, и по воздуху доносились их крики” (*Лето*, 180).

Начерченные пером художника пейзажи статичны, а единственный динамический элемент, который в них обнаруживается, связан с осторожными движениями животных и охотников. Тишину нарушают дуновения ветра, шум перелетающих птиц, или голоса людей, подражающих звукам природы с целью заманить дичь поближе.

Данилевский остался верен применяемому им в предыдущих произведениях литературному принципу запечатлевать природу в размерах „микро”

и „макро”. В некоторых пейзажах он обратил внимание на вид весеннего повода со вписанными в него перелетающими птицами, на измененную засухой степь, на неожиданные на степной равнине овраги, в которых, как в оазисах, находились разные виды флоры и фауны. Повествователь показал также степное марево: „(...) степь за клубилась. По ней потянулись белые дымчатые полосы, будто потоки вод хлынули и заструились бегучими лентами по полю. Ветру не было, но полосы клубились и заливали даль. Вот они стали расти, из их стеклянных волн вытянулись такие же дымчатые верхушки — столбы, каланчи, деревья, стоги, целое село, лес, овраги. (...) Это — „марево”, наш степной мираж, поэтическая фатаморгана (...)” (*Лето*, 184).

Внимание наблюдательного очеркиста привлек к себе также мир пробуждающихся весной к жизни насекомых, проскальзывающие под ногами охотников ящерицы, ползающие по стебелькам маленькие червячки. Описания природы не распространены, они не выполняют самостоятельной функции, а иногда их роль сводится к документально-художественному сообщению о состоянии природы: „Месяц светил ярко, но в воздухе стояла туманносеребристая мгла. Пройдя по непротоптаным дорожкам сада, мимо обледеневших точно стеклянных и тихо скрипевших от ветра деревьев, мы перешли по льду реку под садом (...). (...) Острый морозный ветер изредка охватывал в тиски уши, нос и щеки. (...) Ветер не стихал, а еще будто его разбирало, и по временам перекачивал поверху кузницы те же полосы стекольной, точно составленной из битого хрусталя, снеговой, блуждающей пыли... (...) будто белые змеи, ползали полосы навеваемого снега. На горе было ярко и морозно. Миллионы звезд, казалось, пересыпались с места на место, мерца в морозной тишине... (...) Звезды потухли. Вверху носился туман. Даль белела” (*Зима*, 49-57).

Надо также обратить внимание на существенную взаимную связь пространственных и временных отношений, выступающих в *Четырех временах года*. По мнению советского литературоведа Михаила Бахтина¹⁷, очень важна здесь эта неразделимость времени и пространства, образующая „пространство-время”. Время конденсируется, сгущается, становится видимым в художественном смысле, пространство же подвергается интенсификации и вовлекается в движение времени, сюжета, истории. Признаки времени вызывают представление в пространстве, а пространство обретает свой смысл и измеряется во времени.

¹⁷ М. Бахтин, *Время и пространство в повести*, „Памятник Литерации” 1974, з. 4, с. 273-274 (переводил J. Faryno).

Пространство в обсуждаемом нами цикле очерков мало разнообразно и одновременно необычайно разнообразно. Ограничивается оно территорией охоты (лес, степь, фруктовый сад, поле, землянка охотника) и только в нескольких случаях сквозь призму ретроспекции показывается дворянская усадьба, дом дьяка или фантастическое пространство (рассказ о Вирие, о Лесном Голосе). Упомянутое разнообразие обуславливается же временным аспектом, влияющим на изменения в зависимости от времен года, дня и ночи. Следовательно, преобладают описания пространства, которые одновременно являются описаниями природы.

Временной аспект в *Четырех временах года* более заметный, чем в других очерках Данилевского. Это время изображенного мира в сочетании с временем повествования образует время среды¹⁸, т.е. время изображенной в произведении действительности. Это художественное время, которое косвенно восстанавливает действительное время и видоизменяет его художественным образом¹⁹.

Уже заглавия отдельных частей цикла свидетельствуют о том, что автор стремился не просто представить охотничью тематику, но упорядочил ее согласно законам кругового вращения Земли вокруг Солнца. Для более точного размещения во времени происшествий, которые осуществились в 1859 году — во время частых охот, а также предыдущих событий, бывших предметом воспоминаний повествователя и героев, в ходе повествования появлялись названия месяцев: „Апрель в полном ходу” (175), „В конце июня...” (178) и даже более точные определения чисел: „Около третьего марта (...)” (163), „Перед святками и на святках (...)” (159). Когда с точки зрения повествователя важную роль играло время суток, адресат высказывания тоже узнавал об этом посредством информации о фактическом часовом времени: „Было половина десятого ночи” (149), „А который-то час, ваше высокоблагородие? — Двенадцатый” (155) или о его приближительной величине: „День прояснял окончательно, солнце (...) стояло над небосклоном — на высоте часов восьми” (181). Временной аспект определялся автором также с помощью местных выражений: „(...) солнце было, по местному чумацкому выражению, „на два дуба” (...)” (181); „Мы пустились на охоту, чуть стало, как говорят здесь, „блогословиться” на свет” (175). Но часовое время выступало здесь не только в качестве условного определителя времени дня и ночи, а также появлялось тогда,

¹⁸ А. Labuda, *Z zagadnień struktury czasowej utworów epickich*, [w:] J. Trzynadlowski (red.), *Tradycja i nowoczesność*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1971, s. 137.

¹⁹ D. Liehaczow, *Świat wewnętrzny dzieła literackiego*, „Памятник Литерации” 1974, з. 4, с. 262 (переводил R. Zimand).

когда автор определял продолжительность данного занятия, состояния, явления: „(...) а ловчился и целился чуть не полчаса...” (157); „Едут час, едут два” (158). Информация о времени суток передавалась также менее точным, описательным способом: „Совсем стемнело (...). Сумерки более и более сгущались (...)” (167); „Прояснил месяц (...)” (168). Нередко повествователь поступал таким же образом также с временем года, данным месяцем: „(...) перед порою, когда ожидали снега” (188-189); „Уже прилетели дрозды” (164). Когда речь шла о более отдаленных периодах, в повествование о которых была вплетена народная мифология, воспоминания, время не было точно конкретизировано: „(...) в самые старые первоначальные годы” (153); „(...) еще с отцом Павладием покойником ходил на перепела” (186). Встречалось также употребление простых выражений типа: „прежде”, „в старину” (151).

События о значительном временном диапазоне „сжаты” у Данилевского до короткого промежутка продолжительности повествования. Это сгущение освобождает ткань сообщения от монотонности временной последовательности, становится причиной ее новой конфигурации. Очень важным является тот способ конденсации реконструированного хода событий во временном диапазоне рассказа. Сама интенсивность выступающей в разбираемом нами цикле конденсации итеративной была различна (конденсация итеративная выступает тогда, когда отдельные, повторяющиеся события, образуют весь временной аспект повествования; с конденсацией дуративной имеем дело тогда, когда данные события продолжаются во всем его ходе; а конденсация последовательная — это расположение событий согласно хронологическому порядку рассказываемого времени)²⁰. Лучше всего она проявилась во фрагментах похожих на данный: „Мы пустились на охоту (...). Охота была удачная. Собаки шли по росе отлично. Мы воротились с полными ягташами” (*Весна*, 175).

Структура повествования в *Четырех временах года* очень похожа на свои эквиваленты в остальных циклах очерков Данилевского. За организацией целого рассказа следит главный повествователь-очеркист, ведущий повествование в основном в первом лице единственного числа, но применяя также первое лицо множественного числа там, где отдавал он отчет о событиях, в которых принимал участие в обществе своих друзей. Главным второстепенным повествователем является дьяк Михайловский (высказывания других второстепенных повествователей не выполняют так

²⁰ E. Lämmert, *Bauformen des Erzählens*, Stuttgart 1955, [w:] R. Handke, *Zagadnienie czasu w najnowszych pracach literaturoznawstwa niemieckiego kręgu językowego*, „Pamiętnik Literacki” 1969, z. 4, s. 383-390.

важной функции). В этой роли он выступал только тогда, когда рассказывал о своих охотничьих приключениях, обычаях, когда раскрывал перед менее опытными друзьями секреты лесной жизни, когда погружал их в мир преданий. Другие его высказывания приводились в качестве слов героя при использовании косвенной речи. Автор таким же образом поступал с секвенциями второстепенных героев. Чаще всего они даже не обсуждались, а очеркист констатировал только факт их появления.

Познание повествователя-очеркиста опиралось только на чисто внешние черты и поведения, оно ограничивалось необходимостью подчиниться действительно существующим фактам и событиям. „Всеведение” повествователя, как и в других циклах очерков, было мнимым. Само его ограничение проявлялось в *Четырех временах года* чаще всего в момент передачи повествователем собственных зрительных и слуховых ощущений, когда источник точной конкретизации находился в его сомнительном еще познании лесной жизни, а также в отдаленной перспективе наблюдений: „Должно быть лопнули и вскрылись липкие назревшие почки черемухи, или береза впотьмах окинулась кружевом своих развернувшихся светло-зеленых кукулок. Что-то пахнет, пахнет вблизи. Летела какая-то стайка над ольхами” (*Весна*, 174-175). Время от времени на этот факт влияло физическое утомление повествователя, заглаживающее резкость картины: „(...) долго-долго не мог раскрыть глаз от усталости. Что-то жужжало и звенело, и пело вокруг меня... (...) Шлепая в мокрой осоке на дне оврага, перелетела и снова села где-то внизу, очевидно, утка” (*Осень*, 188), проникновение в явления не подчиняющиеся чувственному познанию: „Что они думали — неизвестно. (...) Собаки тоже замерли, во что-то чутко вслушиваясь. (...) Что родилось в голове Щербеки? Вероятно мысли его носились далеко (...)” (*Весна*, 169).

Богатый реальными фактами цикл очерков из охотничьей жизни написан красочным, индивидуализированным языком. Четко отличаются друг от друга секвенции, произносимые литератором — очеркистом-героем, дьяком Михайловским, употребляющим много слов религиозного содержания [„Птичка всякая уже спорхнула с гнезд. Петр и Павел благословляют днесь! Мне бы и не следовало в моем сани. Сказано попам и причтам: не пролейте крови живущих и не убейте ничего-же и нигде-же. Ну, да молитвами святых угодников охотимся уже тридцать два года и другим желаем того же счастья” (*Лето*, 178)], одним из их товарищей, говорящим с немецким акцентом [„Пфеллер было начал: — Они низу идут, они либо верху, очень високо!” (*Весна*, 168)]. Много также охотничьей терминологии. Кроме названий животных и птиц мы встречаем также другие слова и выражения, например: заседка, ружье двуствольное, охота,

землянка охотника, борзые собаки, самодельная картечь, волчья свадьба, убить наповал, стрелять без промаха.

Данилевский никогда больше не обратился к тематике, затронутой им в *Четырех временах года*. Ни один из его романов, ни одна малая прозаическая форма не содержали охотничьих мотивов. Охотничью тематику автор не соединил в обсуждаемых нами очерках с никакой другой, сосредоточивая таким образом все внимание читателя на украинской лесной флоре и фауне, на охотничьих приключениях людей, увлеченных выслеживанием дичи. Поэтому цикл Данилевского во многом отличается от написанных на десять лет раньше Иваном Тургеневым *Записок охотника*, содержащих, как известно, большой запас общественно-го критицизма — откровенного нападения на крепостное право. В *Четырех временах года* только дважды появляются общественные акценты, когда под предлогом случайной встречи, сперва с рыбаками — государственными крестьянами, а позже с „профессиональными“ охотниками из бывших аракчеевских поселений военного типа, повествователь заметил, что эти люди составляли группу необычайно бедных жителей окрестных деревень и сел.

Настоящий цикл имеет прежде всего познавательное значение, он богат реалиями „охотничьего ремесла“, знакомит с его спецификой на Украине в разные времена года. Одновременно эти очерки содержат ряд новых информации о их авторе; написаны они живым образным языком и еще раз свидетельствуют о безграничном интересе Данилевского к реальным фактам из истории и современной жизни родной Украины.

LUBELSKIE MATERIAŁY
NEOFILOLOGICZNE 17
Lublin 1993

Ireneusz Chomiuk

Die Wörterbücher der deutschen Standardaussprache. Ein Konfrontationsversuch

Der vorgenommene Vergleich bezieht sich auf die drei in den letzten Jahrzehnten in Deutschland erschienenen Wörterbücher der deutschen Hochlautung: den *DUDEN. Das Aussprachewörterbuch* (1990), das *Große Wörterbuch der deutschen Aussprache* (1982) und *SIEBS. Deutsche Aussprache* (1969)¹ (weiter als *DUDEN, GWdA, SIEBS*). Alle Nachschlagewerke zeichnen sich dadurch aus, daß sie, auf die Erforschung der sprecherischen Wirklichkeit gestützt, jeweils eine Lautungsform verbreiten, die für den durchschnittlichen Sprachbenutzer erreichbar ist und im allgemeinen nicht für geziert oder unnatürlich gilt. Eine flüchtige Analyse läßt jedoch schon erkennen, daß die Wörterbücher in vielerlei Hinsicht verschiedenartig konzipiert wurden und nicht unbedeutende Unterschiede darin aufweisen, wie die einzelnen phonetischen Fragen im Einführungsteil dargeboten und im Wörterverzeichnis kodifiziert wurden.

1. Gesamtcharakteristik

Es ist unbestreitbar, daß in jedem Aussprachewörterbuch besonderer Nachdruck auf ein möglichst reiches Stichwörterangebot gelegt werden muß. Soll jedoch mit dem gegebenen orthoepischen Nachschlagewerk ein sprecherzieherischer Erfolg gewährleistet werden, darf auch der theoretische Teil nicht vernachlässigt werden, indem er nur auf allgemeine Hinweise zur Benutzung des Wörterbuchs reduziert wird. Die untersuchten Wörterbücher tragen mit ihren

¹ Siehe Literaturverzeichnis